

Шэнь Фан посмотрел на трусы, висевшие на балконе, и на мгновение заподозрил, что Шэнь Цинчи сделал это нарочно.

Но, поразмыслив об этом немного, пришел к выводу, что это невозможно. Любой нормальный человек не использовал бы постыдный факт "оставить свое нижнее белье в чужом доме" в качестве оправдания.

Мысль о прекрасном лице Шэнь Цинчи делала такое предположение еще более странным. Трудно представить, что он имел какое-либо отношение к такого рода операции.

Шэнь Фан протянул руку, чтобы снять нижнее белье, но когда он уже собирался прикоснуться к нему, он отдернул ее, как от удара электрическим током.

Какой смысл его снимать?

Чтобы убрать его или выбросить?

Он не должен был позволять Шэнь Цинчи оставаться в его доме прошлой ночью. Парень остался только на одну ночь, и это доставило ему столько хлопот.

Шэнь Фан не мог не нахмуриться, но долгое время не отводил от веревки взгляда.

Оно чисто-белое, с плоскими углами и тонкой талией.

Это похоже на то, что носил бы Шэнь Цинчи.

Шэнь Фан внезапно осознал, о чем он думает, и выражение его лица стало очень странным. Он решительно повернулся, вышел из комнаты и направился прямо на второй этаж.

Он вернулся в свою спальню, включил ноутбук и надел наушники.

Подсчитал время, Шэнь Цинчи уже давно должен был быть дома.

На компьютере была запущена программа, и из наушников доносились какие-то едва различимые звуки. Шэнь Фан немного увеличил громкость, а затем он услышал резкий и сердитый голос, пронзающий уши: "Шэнь Цинчи! Где ты был все это время? Ты еще знаешь, что нужно вернуться!"

Шэнь Фан задохнулся и быстро снял наушники, только для того, чтобы почувствовать, как гудит его голова и барабанные перепонки вот-вот разорвутся.

Он нахмурился, потер свои воспаленные уши и уменьшил громкость, прежде чем осмелился снова надеть наушники.

Ругань Шэнь Му продолжалась.

Он не слышал голоса Шэнь Цинчи, это был односторонний выговор.

Похоже, что племянник не лгал ему.

То, что он положил в рюкзак Шэнь Цинчи, когда он был у него, представляло собой миниатюрное подслушивающее устройство, которое автоматически записывало звук и передавало ему на компьютер. Но эти устройства имели слишком малый диапазон, в котором могло записывать, кроме того, батареи хватит только на два-три дня.

Но достаточно.

У него не было намерения узнавать про частную жизнь Шэнь Цинчи, он просто хотел выяснить, было ли то, что сказал этот парень, правдой или нет.

Согласно записи, Шэнь Цзин ничего не придумал.

Над ним действительно издевались дома.

Шэнь Фан слегка прищурился, подперев подбородок. Внезапно в наушниках раздался “бум”, за которым последовал разряд неприятный шорох, словно устройство упало.

Через несколько секунд голоса вернулись к норме. Согласно их разговору ... О нет, согласно односторонним обвинениям Шэнь Му, они перетягивали рюкзак, и тот упал на пол.

После этого шаги женщины раздались издали, послышался стук в дверь: “Шэнь Цинчи! Ты смеешь запираешь дверь! Ты собираешься бунтовать? Эта семья больше не может тебя терпеть?!”

Рюкзак остался на месте, и звук, записываемый устройством, стал тише, но голос Шэнь Му был слишком пронзительным, его сложно было не слышать отчетливо.

Шэнь Фан нахмурился, постоянные крики вызвали у него раздражение. Он чувствовал себя невыносимо даже с точки зрения зрителя, не говоря уже о том, какой жизнью жил Шэнь Цинчи, которого ругали каждый день.

Если бы это не было невыносимо, такой послушный ребенок не захотел бы убежать из дома.

Возможно, интуиция Шэнь Цинчи не обманула. Прошлой ночью Чжоу Ванян действительно хотел что-то с ним сделать.

Шэнь Фан терпеливо слушал. После того, как Шэнь Му открыла дверь, она снова истерично выругалась. На этот раз Шэнь Цинчи, казалось, что-то сказал.

Жаль, что расстояние было слишком большим, а его голос слишком тихим, и жучок это не записал.

Шэнь Му была ошеломлен его словами, затем Шэнь Цзин присоединился к битве, и когда его голос повысился, прозвучала фраза: "Ты можешь убираться из этого дома!"

Услышав голос Шэнь Цзин, у Шэнь Фана закончилось терпение, и он начал проигрывать запись с удвоенной скоростью. Он смутно расслышал слова "Удостоверение личности" и "письмо о принятии", а затем голоса снова стал четкими. Это, должно быть, Шэнь Цинчи, забрал рюкзак.

Он хотел уйти из дома, но был остановлен телохранителями.

Шэнь Цзин притворился, объяснив, что совсем не хотел выгонять сына.

Когда все записи были закончены, Шэнь Фан закрыл компьютер и потер лоб, испытывая раздражение и головную боль.

Похоже, что ему не следовало так поспешно отсылать Шэнь Цинчи домой.

Но теперь, когда тот дома, он чужак, и поспешное вмешательство в семейные дела его старшего брата неизбежно вызовет подозрения. Он планировал так много лет, и он не может все бросить из-за Шэнь Цинчи.

В этот момент мобильный телефон, который он положил на стол, внезапно завибрировал, он поднял его, взглянул и обнаружил, что это было текстовое сообщение, в котором говорилось

□Дядя, спаси меня□

Шэнь Цинчи спрятался в ванной и отправил текстовое сообщение Шэнь Фану. Он почувствовал, что слов "Дядя, спаси меня" было недостаточно, поэтому он ввел и отправил еще одно сообщение:

[Они посадили меня под домашний арест. Входную дверь охраняют телохранители. Я не могу выйти. У них мое удостоверение личности и письмо о приеме в университет, но они отказываются возвращать их мне. У моей матери есть ключ от моей комнаты. Я не знаю, вломится ли она. Я так напуган. Что мне делать?]

Он не был уверен, приедет ли Шэнь Фан, чтобы спасти его. Лучше всего было бы, если бы он приехал. Если он этого не сделает, тогда следует придумать что-нибудь другое.

Умные люди не кладут яйца в одну корзину. Отправив текстовое сообщение, он уже начал обдумывать план Б. В настоящее время кажется, что переговоры с этой парой не сработают, и лучший способ - вызвать полицию.

Первоначальный владелец в романе действительно вызвал полицию, но после того, как она прибыла, родители Шэнь отправили полицейских обратно на том основании, что "ребенок невежественен" и "запереть его - значит просто наказать его за проступок".

Первоначальный владелец не был силен в разговоре, он не смог ничего четко объяснить. Наблюдая за отъездом полиции, он был совершенно убит горем. После этого родители Шэнь забрали его телефон и компьютер и больше никогда не позволяли ему контактировать с внешним миром.

Тогда, с этим планом, есть только один шанс.

Для него очень важно сначала устроить сцену и кричать в окно, что его удерживают силой. Если они этому не поверят, тогда он совершит что-нибудь более экстремальное, например.....

Шэнь Цинчи вышел из ванной, прошелся по спальне и нашел нож для бумаги.

Например, угрожать ножом. Тогда, полицейские должны забрать его в участок, но сложно рассчитывать на успешное осуществление этого плана.

Он положил нож для резки бумаги поближе к телу, подошел к окну, раздвинул занавеску и выглянул в окно с мобильным телефоном в руке.

Экран телефона так и не загорелся, Шэнь Фан не ответил на его сообщение.

Глядя с этой позиции, он мог видеть дорожку к воротам. Двое телохранителей стояли в тени дерева, все еще охраняя его.

Как раз в тот момент, когда Шэнь Цинчи размышлял о том, когда следует реализовать "План Б", в его поля зрения внезапно появилась машина.

Она выглядит немного знакомо, как будто та же самая, которая отвозила его обратно утром.

Машина Шэнь Фана!

Глаза Шэнь Цинчи загорелись, машина припарковалась прямо за воротами виллы. Шэнь Фан вышел из машины и поговорил с телохранителем у ворот. После нескольких слов охранник почтительно пропустил его.

Шэнь Цинчи опустил занавеску и подумал, что Шэнь Фан не ответил на его сообщение, но он примчался быстрее, чем кто-либо другой.

Он подошел к двери комнаты, приложил ухо и услышал голос Шэнь Фана, доносившийся снаружи: "Где Шэнь Цинчи! Скажи Шэнь Цинчи, чтобы он вышел ко мне!"

Шэнь Цзин услышал движение и вышел поприветствовать его с улыбкой на лице: "Почему Сяо Фан здесь?"

Шэнь Фан никак не отреагировал на его вежливость и прямо спросил: "Брат, твой сын дома?"

"Да, разве ты не отправил его обратно утром?" Шэнь Цзин спросил: "Почему ты так стремишься найти его? Что случилось?"

"Что случилось? Ты знаешь, что он сделал в моем доме прошлой ночью?" Шэнь Фан был раздражен в его глазах был неопиcуемый гнев. Он достал что-то из кармана: "Посмотри на это".

Шэнь Цзин наклонился, чтобы посмотреть, и увидел, что он держит на ладони пару разбитых скорлупок грецких орехов, и не смог не нахмуриться: "Этот ...грецкий орех? Это та пара, которую я подарил тебе раньше? Почему они разбиты?"

(Напоминаю, если кто не в курсе, это пара совершенно одинаковых орехов идеальной формы, используемая для массажа ладони. Их очень сложно найти. В магазинах восточных товаров, иногда продаются шарики из камня, как аналог.)

"Это сделал твой сын!" Сердито сказал Шэнь Фан. "После того, как я отправил его утром, я поискал свои грецкие орехи, но обнаружил, что они исчезли. Ты знаешь, где я их нашел в конце концов? В мусорном ведре! Он не только разбил мои грецкие орехи на куски, он также уничтожил труп, выбросив их! Почему он просто не убрал за собой мусор? Мог бы выкинуть туда, где я не смог бы их увидеть!"

"Постарайся успокоиться, - начал утешать его Шэнь Цзин, - разве это не просто пара грецких орехов? Если они разбились, я найду тебе новую пару".

"Что ты имеешь в виду, успокойся?" Шэнь Фан казался разъяренным: "Не говоря уже о том, что они были подарены мне старшим братом, и не говоря уже о их стоимости.... Я хранил грецкие орехи шесть лет, шесть лет! Ты говоришь мне, успокойся!?"

“Нет, ты.....”

“Брат, ты же не хочешь сказать, что мне стоит просто забыть об этом?” Шэнь Фан пристально посмотрел в глаза Шэнь Цзину, его лицо осунулось. “Я знаю, что тебе жаль сына. Если бы он разбил что-нибудь другое, меня это не волновало бы, но это не сработает.”

“Нет, нет, я не это имел в виду”, - быстро объяснил Шэнь Цзин. “Это действительно вина Цинчи. Скажи, как ты хочешь это решить?”

“Ты сначала вызови его, и я хочу, чтобы он извинился передо мной лично.”

“Это...” Шэнь Цзин на некоторое время задумался, “Что ж, я позову его.”

Шэнь Цинчи стоял у двери комнаты и подслушивал. Из-за расстояния он слышал не очень отчетливо, но смог составить общее представление.

Грецкий орех.....

Получается, что ту пару грецких орехов подарил Шэнь Цзин?

Шэнь Фан довольно хорош в поиске причины. Действительно, то, что грецкие орехи, пролежавшие у него шесть лет, разбиты, не является чем-то тривиальным. В сочетании с особым происхождением грецких орехов, Шэнь Цзин не мог ему отказать.

Однако, если его не предупредили заранее, дядя не боится, что он не будет сотрудничать и раскроет правду?

Или... намеренно испытывает его, пытаюсь понять, достаточно ли он умен и стоит ли его спасать?

Шэнь Цинчи думал об этом, когда он услышал “Я позову его”. Он сделал несколько шагов назад и отошел от двери.

Вскоре раздался стук в дверь, это был Шэнь Цзин: “Цинчи, твой дядя ищет тебя, выйди ненадолго.”

Шэнь Цинчи притворился, что не слышит.

Шэнь Цзин подождал несколько секунд, не получил ответа и снова постучал в дверь: “Цинчи? Открой дверь, твой дядя ищет тебя.”

Шэнь Цинчи по-прежнему игнорировал это.

Шэнь Цзин постучал в дверь в третий раз и, наконец, стал нетерпеливым, и его тон понизился: "Что с тобой, малыш? Почему ты не слушаешь то, что тебе говорят? Поторопись и открой дверь!"

Дверь наконец открылась, и Шэнь Цинчи опустив голову, молча встал в дверях.

Шэнь Фан последовал за братом. Увидев, что племянник открыл дверь, он немедленно бросился вперед, схватил его за руку и вытащил из комнаты, сердито сказав: "Шэнь Цинчи, мелкий пакостник, ты это сделал?!"

Шэнь Цинчи посмотрел на грецкие орехи в его руке и в панике сказал: "Я... я не ..."

"Ты еще и притворяешься, не так ли?" Шэнь Фан прервал его: "Если ты осмелился это сделать, признайся в этом, не ставь в неловкое положение своего отца."

Шэнь Цинчи сильно прикусил нижнюю губу.

Конечно, он признал бы это, если это поможет выбраться отсюда. Но, если он поведет себя слишком дружелюбно с Шэнь Фаном, это вызовет подозрения Шэнь Цзина.

"Я..." Его глаза были мокрыми, слезы текли у него по щекам, он отчаянно опустил голову и пробормотал: "Я не хотел. В то время ... я увидел, что на столе был пакет с грецкими орехами. Я подумал, что эти два из него. Выпали ... тоже съедобные, так что ..."

"Тебе не показалось, что эти два грецких ореха выглядят иначе, чем другие?" Шэнь Фан сильно сжал его плечо и разложил перед ним кусочки грецкого ореха. "Как, по-твоему, это можно есть?"

"Я ... я не знаю!" Шэнь Цинчи был так напуган, что чуть не заплакал: "Прости, я узнал, что не прав, только после того, как разбил их, но ..."

"Когда ты обнаружил, что что-то не так, почему бы тебе не сказать мне? Ты съел другие грецкие орехи, а затем выбросил эти вместе с их ореховой скорлупой. Ты заставил меня долгое время искать их, затем я догадался перевернуть мусорное ведро, но даже "не смог вернуть все тело целиком!" Шэнь Фан потер виски. "Ты отлично провел время, уничтожая улики, Шэнь Цинчи!"

"Я действительно не хотел этого!" Шэнь Цинчи безудержно разрыдался, всхлипывая: "Да ... ты сказал, что нельзя беспокоить тебя ..."

“Ты все еще оправдываешься!”

“Все в порядке, все в порядке!” Шэнь Цзин поспешно разделил их двоих и оттащил Шэнь Фана в сторону: “Сяо Фан, успокойся, это уже произошло, и тебе бесполезно его ругать.”

“Тогда что ты предлагаешь!”

<http://bllate.org/book/13780/1216354>